

Посвящается 55-летию выхода в свет «Структуральной антропологии» Клода Леви-Строса
(Lévi-Strauss Cl. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958)

УДК 398.221+291.21

Люди-лососи и зубатая полость в мифологических текстах народов севера Тихоокеанского побережья

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, научный сотрудник музея высшей категории
e-mail: ost-alex@yandex.ru

Автор проводит анализ мифологических текстов народов севера Тихоокеанского побережья, в которых присутствуют мотивы опасной зубатой полости — людоедство и «Женщина с *vagina dentata*», прослеживает их связь с другими мотивами — встреча с морским (или небесным) хозяином и люди-лососи. Применение структурно-семиотического метода позволяет выделить ключевые коды в повествованиях и эксплицировать проблему, разрешаемую мифологическим мышлением: оплодотворение внутри/вовне (последнее свойственно рыбам — лососям, с которыми сопоставлены люди).

Ключевые слова: мифология, людоедство, мотив «Женщина с *vagina dentata*», нивхи, айны, народы севера Тихоокеанского побережья, структурно-семиотический метод.

Dedicated to the 55th anniversary of Lévi-Strauss, Claude. Anthropologie structurale. Paris, 1958

UDC 398.221+291.21

Human Salmons and Dangerous Jaws in Mythological Texts by Peoples of the North Pacific Coast

ALEXANDER B. OSTROVSKY, D.Sc. (History)

Leading Researcher,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
e-mail: ost-alex@yandex.ru

The scholar carried out his analysis of myth texts created by the peoples of the North Pacific Coast, which include motives of dangerously teathed jaws involved in cannibalism and “women with *vagina dentata*”, tracing their interaction with other motives, such as encounters with sea/sky master and human salmons. By applying a structural-semiotic method the scholar was able to establish key codes in narrations and to explicate problems resolved by myth-minded mentality: internal/external fertilization (the latter peculiar to fishes — salmons, to which people are likened).

Key words: mythology, cannibalism, “*vagina dentata*” motive, Nivkhs, Ainus, the peoples of the North Pacific Coast, structural-semiotic method.

Выход в свет в 1958 г. «Структуральной антропологии» К. Леви-Строса ознаменовывал создание нового теоретико-методологического подхода в этнологии, социальной антропологии, нацеленного на открытие ментальных

структур в рамках различных фактов бесписьменных культур. Применительно к структуре мифа и мифологическому мышлению этот подход был продемонстрирован вполне отчетливо, но преимущественно на материале древнегре-

ческого сюжета об Эдипе. Более развернуто и в связи с мифологической традицией бесписьменного общества — североамериканских индейцев цимшиан — структурно-семиотический метод анализа мифов был применен его создателем в том же году в крупной статье «Деяния Асдиваля»¹. Один из выводов, полученных при применении метода, — отождествление индейцами цимшиан, живущими на Тихоокеанском побережье и запаасающими рыбу, приходящую на нерест, людей с лососями, а точнее, сопоставление людей с лососями в аспекте пищи². Попробуем, применяя метод, созданный Леви-Стросом, обнаружить еще один, не менее важный, полагаем, аспект в соотнесении рыболовами Тихоокеанского побережья людей с лососями. Для этого потребуется обратиться к мифологии народов, расселенных широко на побережье, двигаясь с юга на север — от сахалинских нивхов и их соседей айнов к чукчам, эскимосам и, наконец, к индейцам северо-запада Северной Америки.

В качестве эвристического звена, которое позволит нам дополнительно пролить свет на характер соотнесения мифологическим мышлением людей с лососями, пусть послужит мифологема гибельной для охотников-рыболовов зубатой полости — в двух ее вариантах, представленных в нарративах то в мотиве людоедства, то посредством мотива, получившего название в фольклористике «Женщина с *vagina dentata*». Начнем с последнего.

Этот мотив встречается в фольклоре многих народов³. Своеобразие его в сюжетах, зафиксированных различными исследователями на севере Тихоокеанского побережья, состоит в том, что центральные персонажи напрямую связаны с водной стихией и во многих случаях события разворачиваются в результате проникновения людей, охотников на морского зверя, в эту особую космическую сферу. Попробуем проследить, с какими еще мотивами и анатомическими представлениями сопряжена в фольклоре этих народов данная анатомофизиологическая метафора, не обладает ли она особой семиотической функцией в пятичастной модели мироздания, свойственной нивхам, а также чукчам, эскимосам и ряду других народов севера Тихоокеанского побережья⁴.

Начнем с сюжетов, записанных в конце XIX в. на двух языках, оригинале и русском, у айнов (Б.О. Пилсудским) и нивхов (им же и Л.Я. Штернбергом)⁵; по мнению последнего, основа нивхского повествования имеет айновское

происхождение⁶. Более подробно изложим айновский нарратив.

Пятеро айнов отправились охотиться на нерпу. Заблудившись из-за тумана, причалили к какому-то берегу, где находилось селение. Хозяин дома, куда они зашли, убил начальника их лодки, насадил на вертел, изжарил и принялся есть. Айны убежали; гребя без определенного направления, подъехали к берегу, где у высокой горы располагалось селение. К ним на берег вышла женщина. Она сказала, что именно по ее желанию они заблудились и здесь причалили, пригласила к себе в дом, накормила супом. Когда пришло время спать, хозяйка дома предупредила айнов, чтобы не пытались совершить с ней соитие: «...в моем влагалище есть плохая вещь, и любить меня опасно». Однако сначала у одного, затем у другого айна появилось неудержимое влечение к ней; каждый раз сначала был слышен шум от соития, а затем предсмертный крик мужчины и плач женщины. Она снова предупредила двоих оставшихся, чтобы ее не трогали, однако еще один мужчина, взяв предварительно из мешочка красный точильный камень, приблизился к ее постели. Послышался треск: что-то сломалось. Женщина сказала, что теперь «...зубы, что были у меня во влагалище, сломались и выпали, и я вам очень благодарна». В благодарность, а также испытывая вину за гибель двух айнов, она одела умерших в дорогие платья и положила рядом с ними две «длинные сабли-драгоценности». Велела все эти подаренные вещи сохранить и рассказать об этом визите своим детям. Прощаясь с айнами на берегу, сказала, что, когда они уедут, «...вода будет казаться выше той горы, у подножия которой мое селение. Если вы тогда посмотрите в сторону его, то увидите изображение мое от земли до самого неба, и тогда, если к берегу направитесь, то к своему селению доедете»⁷. Так и произошло: на другой день, когда они оглянулись, увидели ее «стоящей на берегу до самых облаков», и вскоре достигли своего селения. О привезенных драгоценностях рассказывали затем из поколения в поколение.

В этом лаконичном нарративе кроме изучаемого мотива присутствует еще один: посещение селения людоедов. Интерес представляет центральный персонаж: у женщины нет ни малейшей агрессии, она вынуждена убивать ввиду того, что ее *vagina* наделена зубами.

Подстрочный перевод Пилсудского (сделанный им же до литературной обработки) позволяет уточнить, от чего именно защищают эти

зубы: у погибших айнов пенис не сразу откусывается, а «от выделения спермы близко когда было», «когда сперма выходила, член (пенис) сломился»⁸. Айн, которому удастся избавить женщину от ненужного ей оружия, все же сначала совокупляется с ней, и лишь в определенный момент прерывает это действие: «...затем, когда должна была выделиться сперма, *penis* вынув, красный точильный камень этой женщине во влагалище вдвинул»⁹. Итак, зубы в женском половом органе защищают от проникновения туда спермы, иначе говоря, от оплодотворения человеком. В отличие от зубастого рта людоеда, поглощающего плоть человека, зубастая вагина препятствует проникновению внутрь зародыша плоти. В свою очередь *penis* оказывается трактованным в данном нарративе не только как вставляемое содержимое, но и как содержащее. В ряду с другими длинными предметами, вставляемыми в человеческое тело: вертел людоеда, на который насажен человек; длинные сабли, способные поразить врага, — *penis* не характеризуется агрессией, влечет за собой не смерть, а появление новой жизни. Наконец, в этом кратком повествовании, содержащем удивительно отчетливую характеристику обладательницы *vagina dentata*,

зафиксирована еще одна черта: издали эта женщина видится стоящей на линии горизонта, от морского берега до неба. Иначе говоря, локус ее обитания — пограничье морской и небесной сфер.

В двух сюжетах, записанных разными исследователями у сахалинских нивхов, много сходного: как и в айнском нарративе, кроме изучаемого мотива присутствует эпизод посещения людоедов; герои попадают в дом без дверей, просверливают отверстие; встречаются с хозяином (хозяйкой) моря, помогающим людям вернуться домой. Порядок расположения отличается, однако все ключевые эпизоды и даже медиативные предметы одинаковы. Сопоставим эти две версии мифа, выделяя и соотнося однотипные эпизоды, чтобы определить, каковы их семиотические коды. В представляемой ниже табличной записи двух версий эти эпизоды даны в том порядке, в каком они находятся в первом нарративе, записанном Б.О. Пилсудским, — от первого до четырнадцатого. (Для эпизодов второго нарратива, записанного Л.Я. Штернбергом, указан фактический порядок их расположения, однако структурно-семиотическая методика этих различий не рассматривает).

Табл. 1

**СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НИВХСКОГО МИФА, ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО ТРИ МОТИВА:
«ЖЕНЩИНА С VD», ЛЮДОЕДСТВО, ВСТРЕЧА С МОРСКИМ ХОЗЯИНОМ**

	1	2	3
Пилсудский	6 амурских нивхов отправились на морскую охоту, из-за тумана заблудились, причалили к чужому берегу.	Приходят в дом, где в сених длинный сундук с головами птиц-гагар, а в комнате в длинном сундуке спит голый старик-кинз. Убегают к морю, спасаются 5 чел.	Проплыв, опять оказались в селении людоедов. Хозяин дома самому тяжелому нивхи вставляет в задний проход железную палку, помещает его на огонь.
Штернберг	6 айнов отправились охотиться на тюленя, пристали к чужому берегу.	Приплыли к дому на берегу, где старик-унирик со старухой жили. Хозяин требует 8 дней и ночей сказания рассказывать, не спать. Айны заметили, что руль, уключины, весла на их лодке исчезли. Наконец старик уснул. Руль, весла и др. сделали, отплыли.	Проплыв, пристали к селению людоедов. Старик-хозяин, выбрав человека потяжелее, в задний проход вставил ему железный рожон, поставил изжарить.

Пилсудский	4	5	6	7
	Хозяин выходит, дверь закрывается: из каменного дома нет выхода.	Находившаяся там старуха говорит: «У кинзов зубы сердитые» — и указывает на ящик, в котором лежит длинная сабля (с ее конца капает кровь).	Нивхи просверливают саблей отверстие, убегают.	Кинзу, попытавшемуся задержать лодку, отрубают руку.
Штернберг	7	8	9	10
	Хозяин выходит, дверь закрывается: не выйти.	Находившаяся там старуха после угроз со стороны айнов указывает на ящик с обоюдоострой саблей.	Айны саблей проделывают отверстие, убегают.	Людоеду, пытавшемуся задержать лодки, отрубают одну, затем другую руку.
Пилсудский	8	9	10	11
	Добрались до берега, где много красивых женщин, желающих мужчин.	Два нивха ночью совершили соитие с женщинами, исчезли [умерли]. Старуха говорит, что у этих женщин «на половых органах зубы имеются».	По совету старухи молодой нивх набирает с берега моря камешков, вводит их перед соитием в вагину — зубы отламываются.	В благодарность женщины дарят айнские украшения, а за умерших от соития — еще 5 украшений.
Штернберг	2	3	4	5
	Пристали к берегу, там 6 женщин; накормили охотников, оставили ночевать.	Один из айнов с женщиной совокупился — умер: «на ее vagina зубы имелись»; то же происходит с др. айном.	Старший охотник взял с берега моря круглый камень, ввел его перед соитием — «зубы все поломал»; так же сделал и др. айн.	Чей-то голос, обращенный к айнам: «Это женщины хозяина ветра! Человек. жилище искать ступайте!» Ж-ны у воды стояли, свои vulva водой брызгали, к ветру подкачивались.
Пилсудский	12	13	14	
	Плывя, увидели мыс, похожий на руку; на конце его сидел огромного роста хозяин моря; подъехали — он с человека ростом.	Хозяин моря накормил их мясом и рыбой.	Отправляет их домой в ящике из кожи; посылает к ним горбушу и кету; велит прислать ему в двух лодках красного и белого оленей.	
Штернберг	12	13	14	
	Этот старик-униршк ухватился за лодку — ему отрубили руку.	Причалили к дому хозяйки моря, она кормит их рыбой; попросив угостить ее табаком, с одной затяжки трубку опорожнила, затем угостила их листовым табаком.	Отправляет их домой, предупредив об опасностях в пути: люди, сросшиеся спинами; люди, растущие из спины хозяина Бузины, по приезде домой велит сломать чашку, тарелку.	

Сцепление двух мотивов — *vagina dentata* (VD) и людоедства нам представляется не внешне, а внутренне обусловленным: в обоих случаях речь идет о «сердитых зубах», обрекающих на гибель охотников и расположенных, соответственно, в нижней или верхней полости тела женщины/людоеда. Если принять во внимание и айнский текст, следует уточнить, что для женщины зубы — вынужденная, против ее воли *защита* от проникновения в нее мужской плоти (спермы), а для людоеда — *агрессия*, в завершающей ее плотоядной части, начавшаяся с насильственного проникновения в плоть человека.

Первые эпизоды в двух версиях идентичны. В следующей паре при сходстве семантики в целом: охотники попадают к зловредному существу-людоеду (*кинз*, *униршк*), спасаются от него бегством — по некоторым частным признакам выявляется противоположность. Так, в эпизоде 2 первой версии хозяина дома нивхи застают крепко спящим, а в эпизоде 11 второй версии хозяин требует бодрствовать 8 дней и ночей и сам пытается это делать. Соответственно, упоминаются длинные предметы — сундук, весла; первый выступает содержащим (в нем кинз), а вторые — содержимым.

В следующих четырех колонках эпизоды почти идентичны; как и в предыдущей, встречается код, образованный длинными предметами, вставляемыми в отверстия, — здесь сабля, которой просверливается выходное отверстие из дома-западни. Отметим специфический семиотический статус сабли в этих двух повествованиях: не только длинный предмет, но и содержимое — иначе говоря, представляет и как бы объединяет два кода; кроме того, поскольку с ее конца капает кровь, она выступает не только содержимым, но также и содержащим.

Еще один длинный предмет — рука — соединяет в первой из двух нивхских версий мотив встречи с людоедами с третьим мотивом, каковым является встреча с морским хозяином. Людоед враждебен нивхам; своей рукой, протянувшейся к лодке (уже находящейся на воде), пытается воспрепятствовать их уходу. Хозяин моря, стоящий на мысе, «похожем на руку», дружелюбен и помогает охотникам вернуться домой. Отметим, что хозяин моря издали воспринимается нивхами существом огромного роста — иначе говоря, и он (подобно героине в айнском тексте) находится на линии горизонта, пограничье моря и неба.

Во второй нивхской версии сходную с рукой, но не идентичную структурно-семиотическую

функцию выполняет курительная трубка нивхов, мгновенно *опорожняемая* морской хозяйкой. Полагаем, что трубка здесь — соединительное звено между двумя мотивами: «Женщина с VD» и встреча с морской хозяйкой. Если первые категорически не приемлют содержимого вставляемого в них предмета (*penis'a*), то последняя — не только сама просит трубку, но и сразу же усваивает все ее содержимое. Отметим, что в этой паре мотивов, как и в прежде упомянутой («Женщина с VD» и встреча с людоедами), обнаруживается соотношение верхнего и нижнего отверстий: рот/*vagina*.

Завершающие эпизоды в первой и второй нивхских версиях не совпадают, по этиологическому результату они скорее имеют противоположный характер: в первой устанавливаются отношения обменного характера между морским хозяином и нивхами, а в одном из вариантов второй — подразумевается, по мнению собирателя, что нивхи утонули и души их должны через несколько лет вернуться к морскому хозяину¹⁰. Имеется и противоположение по частному признаку: в первой — сосуд из кожи, обеспечивающий передвижение; во второй — упоминаются люди, сросшиеся спинами, что означает недостаток кожи и ограничение движения.

Перед тем, как обратиться к нарративам с тем же мотивом, зафиксированным у других народов севера Пацифики (чукчей, эскимосов, американских индейцев), подведем промежуточные итоги рассмотрения айнско-нивхских мифологических текстов. В космологическом плане этот мотив приурочен к морской стихии, к особым локасам: пограничье моря и неба, берегу моря. В анатомическом плане (в нивхских текстах) — к соотношению двух телесных полостей, наделенных опасными для человека зубами: *vagina dentata* и рот людоеда. Внутренние связи в нарративе — между элементами, относящимися к различным его мотивам, обеспечиваются такими кодами, как верх/низ, длинные предметы и отверстия, содержащее/содержимое.

В повествовании, записанном Е.А. Крейн-вичем в 1927 г. у сахалинских нивхов, присутствуют все три мотива и многие эпизоды: посещение заблудившимися в тумане на море охотниками одинокой женщины, после совкупления с которой два человека остались в ее доме без движения; встреча с *кинзом*-людоедом, насадившим одного из охотников через заднепроходное отверстие на вертел; высвобождение из запертого каменного дома кинза с помощью

его сабли; отрубание руки кинзу, пытающемуся удержать лодку охотников; посещение ими морского хозяина, который угощает их рыбой и помогает вернуться домой, усадив в ящик-лодку и взамен ожидая от них присылки в этом же ящике белого оленя¹¹. Как и в нивхской версии Пилсудского, два мотива: встреча с людоедом и посещение морского хозяина — противопоставлены в рамках кода содержащее/содержимое. Запертый дом людоеда — западня, препятствующая их свободному уходу; ящик, куда морской хозяин усаживает заблудившихся охотников, сам приходит в движение и доставляет их домой. Образ женщины, погубительницы мужчин, имеет медиативный характер в тексте Крейновича: едва повстречав охотников, она поднимает камень с берега, сама кладет его себе внутрь (место не уточняется) и грызет, а о причине гибели тех, кто с ней позднее совокупляется, не говорится. Кроме того, ящик, в котором происходит передвижение от морского хозяина в человеческий локус и обратно, изначально наделен медиаторным характером: морской хозяин помещает на нем изображения птиц, как бы опосредствуя связь двух стихий и указывая на собственное местопребывание — пограничье моря и неба.

И эти коды, и некоторые медиативные образы можно встретить в различных текстах, записанных Пилсудским у сахалинских айнов. Так, в одном из них говорится о звере с шестью хвостами, которого удаётся глиняным мечом разрубить пополам, когда пасть этого зверя раскрыта, нижняя челюсть касается земли, а верхняя достигает облаков; в другом тексте такая же пасть у противника бога, герой вставляет в нее кинжал¹². Еще в одном айновском повествовании дьявол защищается от стрелы, пущенной в него богом, бросая полые предметы (признак «содержащее»): рваные сапоги, а затем деревянную чашу и обломки берестяного сосуда. Наконец, брошенный богом меч проходит через дымоход пустого дома, где укрывается дьявол, и разрубает его шею; а пущенная вслед за этим в дымоход стрела втыкается в его тело¹³. В последнем из упомянутых текстов не только представлен ряд содержащих и содержимых предметов, но также их динамическая связь, а конкретнее движение длинного монолитного предмета в лоне длинного полого предмета (дымоход); в этом же тексте упоминается о змее, выползающей из шаманской колотушки.

Логико-семиотическая связь содержащего и содержащего, причем с аналогичным предметом, имеющим медиативный характер, при-

сутствует и в уже рассмотренных нами текстах, тоже связанная в конкретном нарративе с попаданием в дом либо возможностью выхода из него. В одной из ранее сопоставленных нивхских версий, чтобы выбраться из дома-западни, герои проделывают отверстие саблей, с которой капает кровь (как бы изнутри нее); в другой версии морская хозяйка, как только принимает в свой дом нивхов, просит у них курительную трубку и мгновенно опорожняет ее (движение дыма происходит в полости трубки, в сторону антропоморфного тела). В айновской версии женщина, принимающая охотников в свой дом, не останавливается перед тем, чтобы убить их, отрезая пенис, чтобы воспрепятствовать продвижению спермы по влагалищу. Обнаруженные З. Фрейдом в сновидениях его пациентов визуальные заместители половых органов меркнут перед столь разработанной айно-нивхской динамикой!..

Чукотский текст, записанный В.Г. Богоразом, более лаконичен, чем рассмотренные выше. В нем также присутствует код длинных предметов и отверстий.

Женатый мужчина отправился охотиться на оленей. Припозднил, остался на ночлег в доме женщины, у которой был один глаз на лбу, большой рот, большие груди. Она никогда прежде не видела мужчин, решила, что теперь нашла себе мужа. Однако в тот вечер он уклонился: из-за ее некрасивого облика и потому, что изнутри ее тела раздавался странный звук — «как если бы цокали собачьи зубы». Как только хозяйка дома уснула, мужчина осмотрел ее и заметил, что внутри у нее полно зубов — «как в волчьей пасти». Он вышел на берег моря, взял оттуда два камня, длинный и округлый, «по величине ее полового органа». Наутро, когда хозяйка опять попросила совокупиться с ней, охотник засунул внутрь нее длинный камень, о который обломилась зубы, а затем и округлый камень, чтобы удалить корни зубов. Совокупился с ней и взял ее к себе в служанки¹⁴.

В этом тексте отсутствует мотив людоедства; при этом *VD* сопоставлена с пастью хищного зверя. Усиленное внимание к телесным округлостям не помешало повествователю оттенить специфику строения женского полового органа: сочетание округлой и удлинённой форм — в силу этого герой подбирает не один, а два камня необходимой формы и размера. Эти камни (содержимое, которому придан импульс движения) взяты, как и в нивхском тексте, на морском берегу.

Ф. Боасом записаны нарративы, содержащие мотив «Женщина с VD» у индейцев Северной Америки — белла-кула и квакиутль. В текстах обоих этносов присутствует метафорическое сближение людей с лососями. Оба текста имеют отчетливую космологическую приуроченность к водной стихии.

В тексте белла-кула, названном собирателем «Лосось»¹⁵, недавно родившая жена вождя при разделке лосося находит в животе рыбы маленького мальчика — «лососевого мальчика» (ЛМ). И он с ее младенцем (назовем его ЧМ — человеческий мальчик) в течение очень короткого времени вырастают, взрослеют. По предложению ЛМ они отправляются на берег реки, где изготавливают лук и стрелы; ЛМ остается один охотиться на птиц, просит не навещать его без предупреждения. Он проявляет огромные успехи в охоте на птиц, но не ежедневно, а лишь через день; за добычей приезжает и увозит ее ЧМ. Однажды ЧМ, не подав издали голоса, заглянул в дом на берегу, где обитал ЛМ, и увидел, что тот лежал почти мертвый, «извергая куски кварца». Как он и просил (предполагая подобную ситуацию), его отнесли к воде. Вскоре ЧМ заметил каноэ с людьми, идущее вверх по реке: приблизившись к «мертвому лосося», они окликнули его, и он взлез на борт. Его человеческий брат присоединился к нему, эти люди его увидели лишь по прибытии в страну лососей, здесь жили все их виды (названо шесть).

В середине селения находился дом, где сидела красивая девушка, белокожая, с большими ясными глазами и красивыми волосами, ниспадавшими до пола. ЧМ влюбился в нее.

Затем юноши подошли к другому дому, входная дверь которого, как сказал ЛМ, «старается укусить каждого, кто заходит»; поочередно они впрыгнули внутрь. Там им предложили поесть, но ЧМ еда не понравилась, по виду и запаху она была похожа на речные водоросли, и тогда ему предложили «съесть двоих детей» — для этого их бросили в реку, где они превратились в лососей, их поджарили. Кости и кишки этих лососей были сохранены, их бросили в воду; ЧМ выловил тут же возникших двух лососей — и на берегу оказались вновь те же мальчик и девочка.

ЧМ захотел взять в жены прежде увиденную красавицу, юноши пришли к ней в дом; она ответила согласием, но заявила при этом, что с ней нельзя совершать половой акт: сделавший это умрет. Тогда ЧМ принес с берега [моря?] два камня — длинный и округлый. В ответ на

слова своей жены, что совокупление с ней губительно для него, ЧМ ответил, что он не такой, как прочие смертные, он подобен касатке. Затем сразу же вонзил один за другим камни в вагину. «Вагина же была вооружена зубами, которые сгрызли камень, пока он полностью не исчез»¹⁶; сначала один, а затем другой. Зубы, поворачивавшие туда-сюда камень, были уничтожены, и юноша смог вставить *penis*. Женщина воспылала любовью к ЧМ.

Об этой женщине говорится, что ее отец — Чавыча, а сама она — Американский Дрозд (*Salmon-berry Bird*). Через день она родила мальчика, а на следующий — девочку. По предложению тестя супруги отправились в селение ЧМ.

Человек, наблюдавший за запрудой, выловил их как лососей; ночью ЧМ и его жена вновь обрели человеческий облик.

Вскоре жена юноши и их дети вернулись в страну лососей, а он, построив для себя домик, намеревался заняться охотой на орлов. Он ловил их, используя в качестве приманки лосося; собрал огромное количество орлиного пуха. Вскоре сообщил своему младшему брату, что хочет навестить Солнце; тот лишь увидел, что по кругу летают перья, которые потом исчезли в небе.

На небе ЧМ оказывается в Доме Мифов и вновь принимает свой человеческий облик. Находившаяся там среди прочих людей старуха снабжает его пузырем горного козла, в котором содержится холодный ветер — защита от жара. Благодаря этому, когда появился небесный обитатель Солнце и приблизился к ЧМ, исходящий жар не причинил ему вреда.

Солнце замыслил погубить ЧМ. Сначала он оставил его в запертом каменном доме, где в центре горел огонь. Из пузыря, который ЧМ открыл, вышел холодный ветер, а потом и снег, загасивший огонь.

Позднее Солнце предложил ЧМ поохотиться на горных козлов (их облик приняли четыре дочери Солнца по его указанию), при этом снабдил его стрелами, наконечники которых были сделаны из угля. После бесполезных выстрелов козлы окружили героя и столкнули его с горы; он спасся, превратившись на пути в шар из птичьего пуха. Взяв свои стрелы, снова взобрался на гору, убил козлов. В ответ на упрек Солнца, что ЧМ убил его детей, юноша бросил их тела в реку — и они ожили; сказано, что этому искусству он обучился в стране лососей. Солнце предложил ЧМ взять в жены двух своих дочерей.

Затем, отправившись со своим зятем посмотреть запруду на лососей, Солнце направил лодку на скалу, из-за чего его зять упал в водопад; он спасся, приняв облик лосося.

Позднее Солнце с зятем отправились за топливом. Солнце намеренно уронил топор в воду, потребовал, чтобы зять достал его. Как только ЧМ нырнул, Солнце приказал холодному ветру заморозить воду. ЧМ спасается, превратившись в рыбу и выйдя через трещину во льду.

После этого Солнце требует, чтобы зять поймал ему птичку, поющую по утрам. ЧМ ловит ее и приказывает ей залепить глаза Солнцу, затем отпускает ее. Наутро Солнце не смог встать и совершить свой обычный путь, он ничего не видел. Спустя четыре дня зять исцелил его, плеснув в его глаза водой — той водой, которой он сам перед этим омылся, отчего она обрела целительную молодильную силу — этому он обучился у лососей. Юноша прыгает в отверстие в небе и, превратившись в шар из орлиного пуха, возвращается в отцовский дом. На небе он пробыл один год.

Нарратив состоит из двух частей, приуроченных к двум разным космологическим сферам: в первой герой посещает морскую сферу — «страну лососей», а во второй — небесную сферу. Однако эти сферы между собой связаны, эта связь опосредована свойствами главных персонажей: и ЛМ и ЧМ в разное время могут принимать облик лосося и добиваются успеха в охоте на птиц; а человеческий юноша даже может превращаться в шар из орлиных перьев. Его жена — он освобождает ее от зубов в половом органе — и дочь чавычи и, по ее именованию, птица. Итак, как и в айнско-нивхских версиях, мотив «Женщина с VD» напрямую восходит к границе водной стихии и неба, но не топографически, а через свойства главных персонажей, оказывающихся медиаторами этих сфер мироздания.

Мотив людоедства отсутствует. Вместо него — мотив испытаний героя, имеющих целью его погубить. Испытания жаром и холодом, путем сталкивания с горы и в водопад, под ледяную корку на воде соответствуют движению к небу или же в глубь водной стихии, как бы еще и таким образом их сопоставляя. Присутствует и такой губительный элемент, который был в нивхских версиях, как запираение героя в каменном доме.

Коды: длинные и круглые предметы, содержимое/содержащее — также присутствуют, хотя не столь явно, как в айнско-нивхских вер-

сиях. Длинное и округлое, не соединяясь, присутствует в одной и той же ситуации: длинный и округлый камни с берега (как и в чукотской версии); стрелы и шар из орлиного пуха — в испытании на горе. ЛМ обнаружен внутри рыбы; повзрослев и будучи при смерти, изрыгает куски кварца, а перед этим регулярно наполняет каноэ добытыми им птицами; погружение в воду скелета и кишок лососей влечет за собой возрождение, а после погружения в нее героя вода обретает целительные свойства. Намечается и признак рот/*vagina*: входная дверь «кусаются»; герой, возражая своей жене, предостерегающей его от совокупления (из-за зубов внутри ее тела), уподобляет себя касатке, зубастому хищнику.

Итак, в нарративе индейцев белла-кула присутствуют все прежде обнаруженные коды, специфичные для раскрытия сюжетов с мотивом «Женщина с VD», и развернуто представлена связь героя с водной и небесной сферами (то, что лишь слегка намечено в айнском и нивхском текстах, записанных Пилсудским).

Неоднократное отождествление антропоморфных существ с лососями (и людей-лососей, и героя, и его детей от брака с дочерью вождя лососей) акцентирует роль водной стихии, точнее, рек, по которым поднимаются лососи в сторону запруды и человеческих жилищ. Русло реки как бы соединяет страну лососей и человеческое селение. Речная вода способствует возрождению лососей.

Все ведет к открытию основной «проблемы мифа» (термин К. Леви-Строса) для данного нарратива: формирование жизни внутри тела (так чудесно возник мальчик в утробе лосося) либо формирование жизни вовне (в речной воде), иначе говоря, оплодотворение внутри/вовне.

Второй вариант характерен для рыб, лососей, а первый — для людей. (Ко второму варианту, конечно, относится и способ оплодотворения, пусть и непродуктивного, у женщин с VD, подставляющих хозяйину морского ветра свои половые органы; как отмечено собирателем — Л.Я. Штернбергом, «морская вода и пена — сперма его»¹⁷). Медиаторный вариант: женщина-лосось, избавленная от зубов внутри, способна стать женой человека и матерью, родить антропоморфные существа. Пожалуй, намек на такую медиативную природу дочерей чавычи содержится уже в ее имени, поскольку птицам присуща копуляция как условие их размножения.

В тексте квакиутль¹⁸ персонаж женщины с VD присутствует в контексте деяний Творца — Великого Создателя. Совершая мочеиспускание, он создает реки. Желая взять в жены женщину из племени Лососей, отправляется, оставив свое племя, один на байдарке.

При приближении слуги [из племени Лососей] Творец прячется, входя в дерево. Слуга, не заметив прищельца, желает расколоть это дерево, но топорик ломается: Творец отколол кончик лезвия и вышел с противоположной стороны. Слуга расстроен, но Творец берет топорик [лезвие] в рот и восстанавливает его. Когда Творец сказал, что намерен взять в жены принцессу [племени] Лососей, слуга посоветовал ему приготовить камень для первого совокупления, поскольку «ее промежность, как известно, кусается».

Творец повалил ольху и спрятался внутри расколотого ствола. Вскоре кто-то пришел за дровами, к нему пробралась и принцесса, взяла часть верхушки ольхи. Творец тут же совокупился с ней. Они отправились к ней домой, она стала его женой. Сказано, что во рту у Творца была сосновая смола. На следующий день принцесса забеременела.

Чтобы накормить зятя, изжарили младших братьев, сестер принцессы, превратившихся в лососей. Затем кости бросили в воду — лососи ожили. После этого Творец пожелал разрезать родителей жены, заявляя, что они слишком тучные. Доказал, что способен воскрешать: разрезал Дятла, вытащил его внутренности, покрыл его; из Дятла вышла его самка — сказано, что таким образом ожил Дятел. Лосося и его жену разрезали, оставили на 4 дня. После этого каноэ отчалили; лодки Лосося шли позади лодки Творца. Когда открылась земля, Творец разрешил Оленю пойти во главе: тот стал прыгать из одного в другое каноэ, пока все они не перевернулись; лососи выпрыгнули в воду. Творец указал на реки и сказал, чтобы лососи шли по ним.

Главное этиологическое сообщение в данном космогенетическом нарративе — приход лососей из моря по рекам. Связь лососей с реками подкрепляется и тем, что Творцу требуется одинаковое время и на создание рек, и на пересоздание лососей — 4 дня. Интересно, что освобождение женщины с VD от ее зубов с тем, чтобы взять ее в жены, осуществляет не простой человек, а Творец. Тем самым здесь усилено этиологическое значение возможности совокупления с женщиной-лососем и форми-

рования потомства не только вне, но и внутри тела. В нарративе присутствуют те же коды: длинные и округлые предметы — соответственно, топор, ствол дерева, телесные отверстия (оральное, уретральное); содержащее/содержимое. Творец выступает и содержимым, когда он прячется в ствол ольхи, и содержащим: извергает мочу, берет в рот лезвие топора, держит во рту смолу при совокуплении. По-видимому, не только два из последних трех действий Творца обладают созидательным характером (из мочи возникают реки, лезвие восстанавливается), но и третье, выступающее метафорой принятия внутрь того, что выделено вовне длинным предметом (древесным стволом — для Творца, *penis*'ом — для женщины). Не столь явно, но присутствует и соотношение рот/*vagina*, поскольку рот Творца наделен созидательной силой.

Итак, в рассмотренных мифологических текстах североамериканских индейцев мотив «Женщина с VD» либо не связан вовсе с мотивом людоедства, либо эта связь имеется (у белла-кула), но более слабого характера, чем в нивхских версиях. Однако, как и в айско-нивхских текстах, доминирует установление прочных связей с морской стихией — и на плане открывшейся возможности продуктивного сожительства (айны; индейцы), и на плане регулярного обеспечения людей рыбой (нивхи; индейцы).

В двух эскимосских нарративах, записанных в начале XX в. на Аляске, мотив «Женщина с VD» сцеплен с мотивом встречи героя с людоедами, причем в одном из эпизодов они совмещены. Так, в тексте Ш. Люсьера людоедка предлагает совокупиться с ней, а в ее половом органе по кругу располагаются зубы. Герой оживляет тюленью голову, сохраненную им после охоты на море, бросает ее женщине в промежность, и голова сражается с зубами; после чего герой убивает эту людоедку¹⁹. В тексте, записанном К. Расмуссеном²⁰, содержится аналогичный эпизод, только нет упоминания о зубах в половом органе людоедки. Вместе с тем, в этом тексте герою встречаются, кроме людоедов, еще и две скалы — «каменные челюсти», уподобленные «жующему рту», сквозь которые ему удастся пробраться невредимым. В содержании нарратива имеются элементы, характерные для рассмотренных выше текстов: запираение героя в доме; отрубание героем конечностей (рук, ног) людоеда; сотворение для людей лососей — из древесной щепы,

падающей в воду; превращение героя, чтобы избежать от преследователей, то в морское, то небесное существо — в форель, сокола. Мотива оплодотворения женщины с VD, выраженного буквально либо метафорически, в эскимосских текстах, в отличие от ранее рассмотренных, нет.

Сопоставим тексты, записанные в среде разных этносов, чтобы установить коррелятивную связь элементов содержания между собой, с кодами нарратива и с «проблемой мифа», которую мы предположили выше, — устранение препятствий для оплодотворения как вне, так и внутри тела.

Табл. 2

ПРИСУТСТВИЕ («+») КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НАРОДОВ СЕВЕРА ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ, СОДЕРЖАЩИХ МОТИВ ЗУБАТОЙ ПОЛОСТИ

Характеристики текста Этносы	Элементы содержания						Коды	
	Встречи с людоедами	Запирание героя в (камен.) доме	Связь персонажа и с морем, и с небом	Рот (пасть); vagina	Телесное оплодотворение благодаря уничтожению зубов	Обеспечение людей лососями	Длинные и округлые предметы	Содержащее/содержимое
Айны	+	—	+	—	+	—	+	+
Нивхи	+	+	+	+	—	+	+	+
Чукчи	—	—	—	+	—	—	+	+
Белла-кула	—	+	+	+	+	+	+	+
Квакиутль	—	—	—	+	+	+	+	+
Эскимосы	+	+	+	+	—	+	+	—

Наиболее полно элементы содержания мифа, в единстве с ключевыми кодами, представлены в айнско-нивхских текстах (характеризуемых совокупно), а также у индейцев белла-кула. Хотя в тексте индейцев нет мотива встречи с людоедами, полагаем, что непроговариваемая «проблема мифа» запечатлена наиболее явно именно в нем: в рамках предельного сближения людей и лососей происходит соотнесение двух способов рождения жизни — вне тела, т. е. в воде, и внутри тела, для чего как раз и требуется избавление женского полового органа от зубов. Эта проблема, несомненно, присуща и совокупности айнско-нивхских версий (в нивхском тексте морская хозяйка рождает лососей в воде; в айнском — говорится о зубах как препятствии не столько для вставления penis'a, сколько для проникновения спермы в тело женщины).

Мотив встречи с людоедами, который присутствует у нивхов и эскимосов, весьма распро-

странен в фольклоре этих народов, он не привязан к сюжету с мотивом «Женщина с VD», скорее выступает ментальной канвой последнего.

Космологическая привязка персонажей и к морю и к небу имеет различную значимость, с одной стороны, у айнов, нивхов и, с другой стороны, у белла-кула. У первых речь идет скорее о пограничном локусе мироздания, а у вторых — скорее о персонаже, объединяющем в себе эти две сферы. По-видимому, здесь мы встречаемся с двумя различными способами конструирования антропоморфного персонажа, но при этом не-человека и не просто одного из обитателей водной стихии.

Хотя посредствующие звенья не зафиксированы или нам неизвестны, значительное сходство в эксплицированных выше ментальных структурах заставляет предположить, что сюжет, таящий в себе в полном составе «проблему мифа», продвинулся с севера Тихоокеан-

ского побережья на юг, и здесь, у айнов и нивхов, обрел некоторые черты, специфичные для сахалинского менталитета (очищение различных сфер мироздания от людоедов; интерес к пограничью моря и неба). Итак, соотношение и, согласно Леви-Стросу, не-отождествление людей с лососями в аспекте пищи (лосося —

пища для людей, а не наоборот)²¹, дополнено — для мифологической мысли насельников тихоокеанского побережья — противопоставлением двух способов оплодотворения и рождения, соответственно внутри тела — так у людей, обитателей суши, или вовне, как у лососей, в водной стихии.

¹ Lévi-Strauss Cl. La geste d'Asdival // *Annuaire de l'École pratique des hautes études. Séction des sciences religieuses* (1958—1959). — Paris, 1958.

² Леви-Строс К. Деяния Асдиваля // *Зарубежные исследования по семиотике фольклора*. — М., 1985. — С. 56, 57.

³ См.: Berezkin Yu. Thematic Classification and Areal Distribution of Motifs. Analytical Catalogue // <http://starling.rinet.ru/kozmin/tales.indix.php?index=berezkin@show=all>

⁴ О пятичастной модели мироздания у этих народов см.: Островский А.Б. Числовой код в мифологических текстах народов севера Тихоокеанского побережья // *Этнографическое обозрение*. — 2003. — № 2.

⁵ Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских айнов / Публикация текстов В.М. Латышева. — Южно-Сахалинск, 2002. — С. 54—61; Его же. Фольклор сахалинских нивхов / Публикация текстов А.Б. Островского. — Южно-Сахалинск, 2003. — С. 15—18; Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. — СПб., 1908. — С. 159—166.

⁶ Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка. — С. 164.

⁷ Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских айнов. — С. 60, 61.

⁸ Там же. — С. 55, 56.

⁹ Там же. — С. 57.

¹⁰ Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка. — С. 170.

¹¹ Архив Сахалинского областного краеведческого музея. Фонд Е.А. Крейновича. Д. 545. Л. 12—29.

¹² Пилсудский Б.О. Материалы для изучения айнского языка и фольклора / Перевод В.Д. Косарева // *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского*. — 2004. — № 7. — С. 204, 157.

¹³ Там же. — С. 115.

¹⁴ Bogoraz V. The Chukchee Mythology. — N.-J., 1910.

¹⁵ Boas F. The Mythology of the Bella Coola Indians // *Memoirs of the American Museum of Natural History / Jesup North Pacific Expedition*. — 1898. — Vol. 2. — P. 73—83.

¹⁶ Ibid. P. 76, 77. Фрагмент текста нарратива, где описаны действия юноши с камнями (от момента взятия их на берегу до вставления в половой орган женщины) и разговор с ней, записан Ф. Боасом на латыни; перевод для автора любезно выполнен ст. н. с. РЭМ Л.С. Гушян.

¹⁷ Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка. — С. 165.

¹⁸ Boas F. Kwakiutl Tales. Vol. II. — N.-J., 1910. — P. 169—175.

¹⁹ Lucier Ch.V. Noatagmiut Eskimo Myths // *Anthropological Papers of the University of Alaska*. — 1958. — Vol. 6. — No 2. — P. 107, 108.

²⁰ The Alaska Eskimos as Described in the Posthumous Notes of Dr. Knud Rasmussen // *Report of the 5th Thule Expedition 1921—1924*. — Vol. 10. — No 2. — Copenhagen, 1952. — P. 240—246.

²¹ Леви-Строс К. Деяния Асдиваля. — С. 57.